

В ПОЛНЕ допускаю, что этот фильм вызовет споры, недоуменные толки, что рассказанные в нем истории многим сидящим в зале могут показаться загадочными и смутными, потому что образный язык фильма «Парад планет» не совсем обычен. Реальное жизненное содержание, нередко облекаясь в форму притч и аллегорий, требует от зрителей активного сотворчества.

А все начинается просто. Встретились на военных сборах шестеро мужчин. Они и раньше вместе проходили военную подготовку. Только теперь, наверное, получили повестки в последний раз. Возраст, возраст! Пора сниматься с воинского учета. А как нелегко переступить этот рубеж! Как хочется доказать себе и другим, что ты еще многое можешь, что солдатская ноша тебе не тяжела. В сценарии Александра Миндадзе, опубликованном в журнале, «Искусство кино», есть сцена, не вошедшая в фильм. Новенький, не склонный принимать военные учения всерьез, никак не возьмет в толк, почему лейтенант запаса Костин, надев гимнастерку, повел себя так, будто и впрямь вышел на передний край. «Я понимаю, — говорит он Костину. — Условия, приближенные к боевым. Но зачем уж так приближать?» А для Костина это главное: приблизиться к боевой обстановке, почувствовать себя достойным наследником поколения «сороковых... пороховых», как бы заново проверить себя и своих товарищей: мы — солдаты!

Так примерно я понял мысль автора фильма режиссера Вадима Абдраштова и сценариста Александра Миндадзе, хотя, может быть, слишком прямолинейно ее выразил. В «Параде планет» они не просто приблизили своих героев к боевым условиям. Им хотелось создать иллюзию подлинности, чтобы не было ни у кого сомнений: все шестеро выстояли, выдержали, победили. Сотряса все вокруг, с ревом движется по лесной дороге колонна танков. Когда это происходит? Сорок лет назад или в сегодняшнем тревожном и беспокойном мире? Слепящий свет фар безжалостно высвечивает из темноты купу деревьев и овраг, поросший колючим кустарником, куда едва успевают нырнуть шестеро бойцов... Трудно, ох, до чего же трудно втащить противотанковую пушку на стратегический пригорок. Артиллеристы не пожалели сил. Зато отсюда прямой наводкой били по «неприятельским» танкам. И потом, хмелея от удачи, сержант Пухов выпустит еще и холостую автоматную очередь по танки-

стам, вылезшим из люков «подбитых» машин... «Этого хоть сейчас на передовую!» — пошутит подымавший офицер. Однако Пухову не до шуток. Он и так на передовой.

А дальше? Дальше по условиям военной игры весь артиллерийский расчет накроет ракета. И люди, превратившись в «бесплотных духов», одновременно с благодарностью командования получают приказ отправиться по домам. Но маневры еще не закончи-

Борис
ГАЛАНОВ

Зжж

...КРУЖИТСЯ ПЛАНЕТА

лись. Дома и на работе так рано их не ждут. Разлучаться друг с другом неохота. Так возникает неожиданное предложение: хоть и оказались они как бы «вычеркнутыми» из списка живых, все равно решено отправиться на поиски неведомого села Гуськово, где предстояло собраться в конце учений.

Все по сценарию, все по сюжету. Так, и не совсем так. Сценарий открывался рассказом о сборах на военные учения. Помолодевшие отцы семейств с мальчишеской прытью разыскивали друг друга. Много было смешных подробностей, метких реплик. Уверенно намечались характеры героев на крепкий бытовой фильм, в меру смешной, в меру грустный, может быть, даже слегка сдвинутый «набекрень», но тоже в меру. На экране все приобрело иной, что ли, цвет, иной ритм, перешло в иную, более сложную тональность. И тут уж совершенно необязательной оказалась подробная экспозиция. Драматургу и режиссеру понадобилось всего несколько кадров, чтобы представить очень разных героев фильма: водителя троллейбуса, мясника, слесаря, грузчика, архитектора, астронома Костина, который по доброй воле упустил возможность наблюдать редкое явление природы — парад планет. Но неделя, проведенная Костиным вне стен обсерватории, оказалась такой насыщенной впечатлениями, что тоже обернулась для него своеобразным парадом планет, правда, земных, а не небесных. Впрочем, Костин

и не слишком щедр на выражение своих чувств. Приглашая к размышлению, фильм не предлагает нам готовые ответы, да его авторы навряд ли их имеют. Наверное, еще и поэтому герои фильма не очень-то словоохотливы и длинным диалогам предпочитают долгие паузы, мгновения тишины как выражение напряженной, ищущей мысли.

На поиски села Гуськово они уходили с нерастратенным азартом слишком быстро отвоевавшихся солдат, все скрепляющего воинского братства, когда один за всех, все за одного. Но удивительным оказалось это путешествие, необычные встречи в пути. А в них-то и заключен смысл фильма — узнавание таких

нета. Встречи и расставания...

Сколько уже было фильмов — плаксивых, сентиментальных, плохих, хороших и средних об одиноких женщинах, не дождавшихся кого-то, обманутых, брошенных. «Я изучил науку расставания в простоволосых жалобах ночных». И вот «наука расставания» в «Параде планет». Уходят шестеро мужчин, связавших себя словом не расставаться, не нарушать верность солдатскому братству. Но дело не только в этом. Вечернее купание в реке — тоже своего рода символ в кругу других символов и аллегорий. Это река жизни, река времени, по которой каждому надо плыть вперед, дальше. И, увлекаемый пятью друзьями, вместе с ними плывет шестой,

удивляясь на самого себя: «Я же плавать-то, в общем, не умею»

А потом им предстоит пройти через город стариков, провести день в санатории для престарелых, среди одиноких людей, которые так радуются случайным гостям. И есть здесь тоже такая сцена, которая в фильме является одной из ключевых. Это когда седой женщине (артистка Лилия Гриценко), потерявшей в блокадном Ленинграде своих детей, вдруг померещилось, что Костин и есть ее пропавший без вести сын. И на час-другой став сыном этой чужой ему женщины, обычно молчаливой, неразговорчивый Костин, каким мы увидели его в исполнении Олега Борисова, он, считавший, что обо всем давно уже переговорено и все известно, начинает понимать, что много ласковых, чутких, добрых слов не сказано, не досказано ни этой старой матери, ни девушкам из города женщин.

В общем, задуманное путешествие в Гуськово обернулось путешествием к людям и путешествием к самим себе, потому что после всего, что довелось увидеть, узнать, нельзя было не оглянуться на самих себя. Мы уже сказали, что персонажи этого мужского фильма, как и подобает мужчинам, скупы на слова, тем более на сентиментальные. Но в минуту откровенности они признаются друг другу, что жили и живут порой трудно, несладко. А сумеют, смогут ли они изменить свою жизнь — ответ на этот вопрос остается уже за пределами фильма,

Они распрощаются на шумных улицах своего города, среди многоэтажных домов-коробок, в толчее, говоре толпы, уже захваченные бешеным ритмом городской жизни. Кто-то сразу же надвинет на глаза черные очки, словно бы закрываясь от чужих любопытных взглядов. Продавец — артист Сергей Шакуров — лихо вцепится в поручни троллейбуса и скроется за поворотом. До новых встреч, которых может уже и не быть. Трудно начиналась для них неделя. В условиях, максимально приближенных к боевым. И дальше ведь было непросто. Но людям с неустойчивыми судьбами, которые ненадолго встретились им в пути, они старались, как могли, скрасить жизнь.

М ИРОВОЙ кинематограф накопил немалый опыт в создании фильмов-притч. Фильмов-аллегорий. И, может быть, блуждая с героями «Парада планет» в городе женщин или в городе стариков, вольно или невольно мы будем вспоминать имена знаменитых режиссеров. Но у молодых художников была своя сверхзадача, свой замысел и свое собственное его видение. Вот почему они и оригинальны.

«Парад планет» — пятый фильм Александра Миндадзе и Вадима Абдраштова, снятый в тесном творческом содружестве сценариста и режиссера. По сравнению с предыдущим фильмом «Остановился поезд», сделанным «под документ», почти протокольно, «Парад планет» кажется для этих авторов неожиданным. Но, пробуя силы в новой для себя неосвоенной манере, они не уходили от острых социальных проблем. И все-таки, все-таки... Выстраивая главную сюжетную линию, они, пожалуй, слишком увлеклись шарадами, как говорится, «перепустили меру»: вспомним хотя бы туманный фигуру Химика, который так и остался для нас загадочным незнакомцем, человеком с шифром, но без ясной расшифровки. В сценарии некоторые акценты были расставлены точнее, отчетливее, оставляя меньше оснований для недомолвок. На пути к экрану в литературном варианте отсекалось лишнее, необязательное, но порой и весьма существенное для общего замысла фильма распределение света и тени.

Трудный фильм и неровный. Но не из тех трудных и, увы, скучных фильмов, после которых испытываешь чувство облегчения: кончился наконец. «Парад планет» заставляет думать, соглашаться и не соглашаться, возвращаться к нему снова, хотя в зале уже зажгли свет.